

light of the structural analysis of European culture of the 19th – 20th centuries]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern studies of social problems*. 10 (2). pp. 80–100.

7. Saenko, N.R. (2011) *Kontseptual'nye interpretatsii nigitologii kul'tury* [Conceptual interpretations of the nigitology of culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.

8. Sapronov, P.A. (2014) *Chelovek i Bog v yevropeiskoi zhivopisi XIV–XX vv.* [Man and God in Western European painting of the 14th–20th centuries]. Moscow: Gumanitarnaya Akademiya.

9. Tylor, E.B. (1989) *Pervobytvaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat.

10. Tkhostov, A.Sh. (2020) *Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya* [Cultural and historical pathopsychology]. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya».

11. Ustyugova, E.N. (2006) *Stil' i kul'tura: Opyt postroyeniya obschei teorii stilya* [Style and culture: Experience in constructing a general theory of style.]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

12. Heidegger, M. (1987) *Istok hudozhestvennogo tvoreniya* [The source of artistic creation]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX – XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th – 20th centuries. Treatises, articles, essays]. Moscow: Moscow State University. pp. 264–312.

13. Musset, A. de (1836) *La confession d'un enfant du siècle*. Paris: Félix Bonnaire.

УДК 130.2:[316.77+001.97]

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-25-35

Н.Г. Денисов, А.А. Бражников, В.В. Валькова

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФЕНОМЕНА КОНТРНАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

В настоящей статье проанализирована динамика и выявлены особенности трансформаций феномена контрнауки в медиакультурном пространстве современного общества. Проведен дискурс-анализ существующей научной литературы по проблематике и нарративный анализ некоторых контрнаучных медиапродуктов. Сделан вывод о высокой адаптивности феномена контрнауки к изменяющимся социально-политическим и технологическим условиям, об опасности ее распространения в масс-медиа и о необходимости принятия действий для купирования ее дальнейшей экспансии в медиакультуре.

Ключевые слова: медиакультура, медиaprостранство, медиа, информационное общество, ценностно-смысловые трансформации, контрнаука, заблуждение.

Актуальность темы исследования. Современная медиакультура характеризуется ценностно-смысловыми трансформациями, обусловленными изменениями общественных отношений, переходом к информационному обществу постиндустриальной эпохи и связанным с этим технологическими прорывами преобразованием экономических условий. Одной из главных ценностей, претерпевших изменения в современной медиакультуре, является свобода выражения. С одной стороны, она проявляется в возможности пользователей сети Интернет воспринимать и самостоятельно создавать огромные информационные потоки при минимальном уровне цензуры. С другой стороны, возникают проблемы управления этими информационными потоками, и ярко проявляется угроза распространения во всеобщем доступе потенциально опасных контрнаучных заблуждений.

Важнейшей трансформацией медиакультуры на современном этапе является переход от традиционных форм медиа, таких как пресса и телерадиовещание, к онлайн-медиа. Этот технологический сдвиг привел и к появлению новых ценностных ориентаций и культурных практик, таких как использование социальных сетей в качестве виртуального жизненного пространства, ведение блогов, создание и распространение любого, в том числе иррационального, ирреального контента. Все это приводит к многократному увеличению угрозы контрнаучных заблуждений путем трансляции их в массы.

Технологические инновации во многом обусловили трансформацию ценностно-смысловых ориентаций современной медиакультуры, например, в области виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта. Но вместе с тем современная медиакультура предполагает также ценностно-нормативную трансформацию в связи с происходящими изменениями в социуме и ментальности общества: гендерной психологией, теорией и практикой мультикультурализма, диалектической борьбой процессов глобализации и индигенизации. Это имеет важное значение для формирования и трансформаций современной медиакультурной среды и требует более глубокого изучения, определения ее роли в ходе общественного развития.

Степень научной разработанности проблемы. Проблему трансформаций современной медиакультуры разрабатывали отечественные исследователи В.А. Конев, А.П. Садохин, М.В. Силантьева, Н.Б. Кириллова, зарубежные учёные М. Кастельс, Г. Сэлдес, Б. Массуми, Л. Манович и др. Феномен контрнауки (под разными названиями) исследовали А.М. Конопкин, Д.В. Головин, Н.В. Уткина, А.С. Михалевская и другие ученые.

Цель работы – показать, какие ценностно-смысловые трансформации претерпевает феномен контрнауки в современной медиакультуре и обозначить проблему деструктивного воздействия контрнауки в современном обществе.

Задачи исследования:

- проанализировать научную литературу по данной проблеме;
- провести нарративный анализ некоторых медиапродуктов контрнаучного дискурса;
- выявить закономерности и особенности ценностно-смысловых трансформаций феномена контрнауки;
- обозначить пути разрешения проблемы распространения контрнаучных заблуждений в современной медиакультуре.

Объектом настоящего исследования выступает современная медиакультура. *Предметом* исследования – феномен контрнауки.

Научная новизна исследования заключается в актуализации рассматриваемой проблемы, обогащении существующей научной базы новыми примерами по данной проблематике и авторскими выводами по теме исследования.

Методология. В основу методологии положен комплекс методов и подходов, основными из которых являются метод дискурс-анализа, метод нарративного анализа, историко-сравнительный метод, критико-рефлексивный анализ, структурно-функциональный подход.

Основная аналитическая часть. Медиакультура представляет собой возникшую в западном обществе специфическую форму существования культуры, для которой характерно доминирование различных форм медиа – технологических «посредников» для передачи информации в социальной среде, от межличностных и межгрупповых взаимодействий до уровня макросоциума [1. С. 7]. Медиакультура формирует массовое сознание современного человека, используя как традиционные медиаресурсы, так и технологические инновации; в основе современной медиакультуры лежат информационно-коммуникационные технологии и средства массовой информации. Структурно она представляет собой совокупность технико-технологических приемов производства, трансляции и восприятия информационных потоков, которые в самом общем виде можно подразделить на материальные медиапродукты и цифровые медиатексты.

Медиакультура выполняет в современном обществе ряд важнейших функций, наиболее значимыми из которых являются функции культуротворчества и социализации. Также следует обозначить информативную, коммуникативную, интеграционную и рекреационную функции. В связи с этим встает вопрос о проблеме научной рецепции медиакультуры как господствующего вида культуры современного общества информационной эпохи в различных ее проявлениях: от классических СМИ до новых медиаресурсов, коммуникативных систем в виртуальном пространстве, таких как социальные сети, различного характера блоги и интернет-платформы. Медиатексты и медиапродукты имеют огромное влияние на массовое сознание человека современной эпохи, будучи неотъемлемым компонентом системы культуры и образования.

Вместе с тем следует понимать, что особенности человеческой психологии не изменяются столь же стремительно, как технологические и даже ценностные аспекты культуры. Еще Норберт Винер, основоположник кибернетики, считал, что переход к механизации не означает утраты свойственного человеку магического мировоззрения – об адептах всеобщей механизации как средства решения едва ли не всех проблем человечества он говорил так: «Перед нами образ мышления, свойственный колдуну в полном смысле этого слова» [2. С. 239].

Для усиления воздействия на реципиента СМИ, как один из наиболее популярных форм медиа, используют ряд языковых факторов, воздействующих на психологические особенности восприятия: это субъективность и оценочность вместо объективности и непредвзятости, эмотивность и ассоциативность повествования, многозначность слов при неясности их денотатов, суггестивность, эпатажность, использование эффемизмов и дисфемизмов, «средств эксплицитной и имплицитной оценки» [3. С. 156]. Такие «предпочтения» медиакультуры как глобальной информационной среды создают благоприятную почву и для развития деструктивных форм культуротворчества, контрнаучных заблуждений и контркультурных практик.

Под влиянием медиатизации культуры в дискурс контрнауки вошли как традиционные иррациональные верования, суеверия, предрассудки, обретшие «новую жизнь» в качестве информационных вирусов, реплицируемых медиа, так и новые, модернистские мифологемы, «приправленные» псевдонаучной аргументацией. Наверное, самым ярким маркером контрнаучного дискурса является частое использование фрейминга – эмоционально окрашенного повествования, нарушающего принцип беспристрастности науки и вследствие этого затрудняющего объективное восприятие информации. Этот прием применяется для манипулирования общественным мнением и вообще является характерным для современного медиадискурса.

Медийная мифологизация является неотъемлемой частью современной медиакультуры, имея различные основания и цели. В ряде случаев классические мифологические предания становятся основой для формирования неомифологических образов. Так, из традиционной мифологии в криптозоологию перешли монстры типа Кракена, а в криптоботанику – деревья-людоеды. Эти и другие образы криптидов имеют большую популярность в медиакультуре и оказывают значительное влияние на массовое сознание. В большинстве случаев они воспринимаются как фантастические существа, хотя, как показывают социологические исследования, достаточно много людей всерьез задумывается о возможности существования йетти, несси, чупакабры и других растиражированных СМИ криптидов. Но при этом нужно признать, что число их приверженцев явно уступает «аудитории» классических призраков, паранормальных явлений [4. С. 173-174] и контактов людей с представителями инопланетных цивилизаций в прошлом и настоящем [5].

Ещё в 2010 году М.Р. Желтухина писала: «В настоящее время... социализация проходит сквозь призму массмедиа» [6. С. 283], тем более это верно для третьего десятилетия XXI века – столетия глобальной информатизации общества и медиатиза-

ции культуры. В этих условиях критически важно обращать внимание на духовную безопасность, духовное здоровье населения, что позволит вовремя идентифицировать проблему и купировать ее дальнейшее развитие «во всех случаях отклонений или трансформаций ценностно-нормативной системы культуры» [7. С. 16].

Однако вместо этого в настоящее время, как удачно охарактеризовал происходящее В.Ю. Мехоношин, наблюдается «ситуация медиаманипуляции», при которой медиамифы и контрнаучные заблуждения находятся под покровительством государства. Ряд федеральных СМИ даже имеют «профильную» направленность по их пропаганде, наиболее яркими примерами чего выступают телеканалы ТВ-3 И РЕН-ТВ. Впрочем, даже такие «рупоры власти», как «1 Канал» и «Россия-1» время от времени обращаются к данной тематике. Так, в мае 2022 года на «1 Канале» предсказаниям бабы Ванги был посвящен целый ряд выпусков передачи «На самом деле», в которых зрителям в очередной раз преподносился в качестве непоколебимой истины «дар» ясновидящей в сочетании с пророчествами современных астрологов, а мнение скептиков просто высмеивались. 30 мая 2023 года в эфире телеканала Россия-1 вышел сюжет передачи Малахова про новоявленную краснодарскую ясновидящую Анастасию Приходько, ставшую, как следовало из программы, «краснодарской Вангой».

Авторы культурологического исследования мифологизации современной пандемии коронавируса отмечают ряд моментов, свидетельствующих о неомифологическом характере медиадискурса и медиакультуры в отношении резонансных событий. В числе «мифов», связанных с COVID-19 отмечается нагнетаемая эсхатологичность угрозы, апокалиптичность в освещении ситуации СМИ, возникновение множества конспирологических теорий о происхождении и об опасности вируса, призывы властей к действиям «ритуального характера», таким как обязательное ношение масок и перчаток и т.д. [8. С. 254, 256, 259, 264].

Медийная мифологизация в своей крайней форме превращается в пропаганду контрнаучных заблуждений. Контрнаука в современной медиакультуре является одним из проявлений контркультуры, для которой в информационном пространстве также характерны дискредитация и фальсификация научных исследований, опровержение общепринятых фактов, распространение мнений, представлений, идей и идеологий, противоречащих научному методу познания или вообще здравому смыслу. Это явление становится все более распространенным в современной медиакультуре, в условиях которой отдельные лица и целые социальные группы могут с легкостью использовать различные онлайн-платформы для распространения дезинформации в различных сферах, включая сферу науки: научных исследований, научных результатов, научного метода и, наконец, научной картины мира.

Одним из способов, к которым наиболее часто прибегает контрнаука, являются ценностно-семантические перверсии, приводящие к перверсивному (искаженному, извращенному) пониманию тех или иных фактов и вообще искаженному мировосприятию. При этом следует отметить, что ценностно-смысловые трансформации претерпевал не только феномен контрнауки, но и само это понятие. Сущность понятия о контрнауке состоит в противопоставлении (от лат. *contra* – против) научному знанию ненаучных форм знаний и незнаниевых форм существования информации. Однако смысловое содержание понятия трансформировалось на уровне понимания того, что относится к науке, научному знанию, научному методу познания и научной картине мира. В зависимости от этого менялось и понимание того, что к ним не относится и что им противопоставляется. Также трансформировалось и ценностное содержание науки и того, что ей не является, что ей противопоставляется.

В разное время феномен контрнауки претерпевал ценностно-смысловые трансформации в зависимости от политической конъюнктуры, например, в сталинский и хрущевский периоды отечественной истории он находился в ярко выраженной зависимости от

идеологических оснований, позволивших на протяжении нескольких десятилетий господствовать в советской биологии вместо научной концепции наследственности (генетики), заклеянной в качестве «реакционной буржуазной лженауки», так называемому «мичуринскому учению», получившему известность под именем «лысенковщина».

В перестроечный и постперестроечный период наблюдался всплеск контрнаучных заблуждений, активно реплицируемых (в терминах «меметики» Р. Докинза) в медиакультуре, что было обусловлено ослаблением идеологии на фоне отсутствия выработанной идеологизированной картины мира. Контрнаука трансформировалась, избрав новый способ своего существования: вместо идеологического покровительства она стала развиваться под покровом сначала гласности и демократизации общества, а затем и объявленной свободы слова, самовыражения и, наконец, отмены цензуры. Подобный социально-политический контекст крайне плодотворно сказался на распространении контрнаучных заблуждений в медиакультурном пространстве.

Дальнейшие ценностно-смысловые трансформации феномен контрнауки претерпевал уже в ракурсе адаптации к новым формам распространения и передачи информации, обусловленным появлением новых информационно-коммуникационных технологий. Появление множества теле- и радиоканалов, распространение всеобщего доступа к сети Интернет и возникновение в ней новых информационных платформ – от социальных сетей до видеохостингов – способствовало переформатированию контрнаучного дискурса с преимущественно печатного носителя в виртуальное пространство. Вместе с тем печатная продукция продолжает сохранять популярность, в том числе это касается эзотерической, парапсихологической, параисторической и иной паранаучной с эзотерическим уклоном литературы.

А.А. Андреев отмечает, что фольклор и паранаука (которую исследователь определяет как имитацию науки) имеют общую мифологическую природу, выполняя общие культуротворческие и мировоззренческие функции [9. С. 68-69]. При этом он предлагает рассматривать паранауку как стиль научно-художественной литературы, наряду с научной фантастикой и фолк-хистори [10. С. 76, 78, 79]. На наш взгляд, паранаука и эзотерика могут рассматриваться как художественный жанр, однако только в том случае, если об этом непосредственно сообщается читателю, тогда как в большинстве случаев подобного рода литература преподносит свой нарратив в качестве достоверного знания.

Приведем пример. Большую популярность имеет серия книг Р.И. Гарифзянова «Откровения Ангелов-Хранителей», навязывающая читателям ненаучную картину мира и дискредитирующая само научное знание и научный метод познания. В первой книге серии «ОАХ. Начало», впервые изданной еще на рубеже тысячелетий и переизданной с некоторыми изменениями в 2007, 2012 и 2017 годах, пропагандируется и преподносится в качестве непреложной истины целый ряд контрнаучных заблуждений: ясновидение, медиумизм, эзотеризм, магия, псевдонаучная аргументация, религиозно-креационистское мировоззрение, суеверия, псевдоистория и многое другое. Проводя краткий нарративный анализ этой книги, отметим несколько ключевых моментов. Сюжет повествования основывается на том, что автор книги Р.И. Гарифзянов знакомится с уроженкой одной из кубанских станиц Л.И. Пановой, которая при помощи зеркала может общаться с Ангелами-Хранителями, якобы дающими абсолютно достоверную информацию по любому частному вопросу и о мироустройстве в целом.

Тогда как наука оперирует понятиями «предположительно», «возможно», «гипотетически», Ангелы-Хранители все знают точно, и потому они, по мнению автора книги и его многочисленных адептов, являются гораздо более достоверным источником информации, нежели ученые. Даже религия, хотя и во многом ошибается, является гораздо более «логичной» и «убедительной», чем наука [11. С. 59]. Несмотря на это, автор, признавая, что наука все же является некоторым авторитетом в общественном

сознании, прибегает к излюбленному приему – апеллирует к псевдонаучным фактам типа «американским ученым удалось получить фотографию души» [11. С. 48]. Но не всем ученым можно доверять, ведь «оказывается», что причиной икоты является вовсе не нарушение работы диафрагмы, а «выброс черной энергии из человека» [11. С. 57], а чтобы вылечить эпилепсию, нужно в полночь подойти к заброшенному колодцу, сказать специальное заклинание, зажечь лампаду и 12 свечей, воскурить ладан, трижды прочитать «Отче наш», «Псалом 90» и «молитву об исцелении одержимых нечистыми духами», затем специальный заговор, текст которого открыли сами Ангелы-Хранители, а также совершить еще ряд ритуальных действий [11. С. 170-173].

В целом данный нарратив можно охарактеризовать не иначе, как апологию обскурантизма и, казалось бы, давно отживших суеверий, однако авторская манера изложения «освежает» эти обветшалые представления о мироустройстве, давая новую жизнь первобытно-магическому мировоззрению, традиционным анимистическим сущностям типа домовых, леших, русалок. Кстати, последние появляются даже на страницах научных журналов и отнюдь не в качестве фольклорных персонажей. Так, Е.М. Пахалюк в статье 2022 года рассуждает о русалках как о реальных существах, приводя якобы доказанные факты их наблюдения, например, в 1982 и 1992 годах [12. С. 16]. Более того, она также уверена и в существовании чупакабры, последнее нападение которой (на момент публикации статьи) было якобы зафиксировано в 2021 году [12. С. 17-18]. Еще раз обращаем внимание, что работы подобного содержания, хоть и нечасто, но публикуются в научных журналах, где существует достаточно строгий контроль, тогда как для большинства медиаресурсов он и вовсе отсутствует, что и обуславливает огромную популярность контрнауки в современной медиаккультуре.

Возвращаясь к книге Р.И. Гарифзянова, отметим еще одну важную часть повествования – псевдоисторию, которой посвящены сразу несколько глав, при этом одна из них имеет совершенно нескромное название «Настоящая история Земли и человечества». Здесь рассказывается о том, что первые на нашей планете люди ростом в 52 метра проявились (и создали цивилизацию) «3,5 млрд лет до нашей эры» [11. С. 271], а самыми древними сохранившимися до настоящего времени объектами культуры являются истуканы острова Пасхи, построенные лемурийцами (людьми третьей цивилизации) более 60 миллионов лет назад [11. С. 275]. Разумеется, все это не имеет никаких научных оснований и полностью противоречит научной картине мира, однако это «важнее», потому что так сказали Ангелы-Хранители.

Другим популярным примером пропаганды псевдоистории, причем с ярко выраженным националистическим уклоном, являются так называемые Славяно-Арийские Веды, включающие, в числе прочего, и скандально известную Велесову книгу, и при этом являющиеся «священным текстом» неоязыческой полужестремистской секты ингликов. Характерно, что издание (далеко не единственное в своем роде) является по-настоящему популярным медийным продуктом и продается во многих книжных магазинах городов России, включая и крупнейшую федеральную сеть «Читай-город».

Но несравненно большей популярностью по сравнению с печатной продукцией в настоящее время пользуется экранная медиасреда теле- и интернет-каналов, распространение которой привело к формированию целой экранной культуры в медиасфере. И в этом пространстве свою нишу заняла контрнаука. Ценностно-смысловые трансформации феномена контрнауки в современной медиаккультуре главным образом соотносимы с изменениями в области технологий. Появление новых медиа обусловило и новый виток развития и распространения контрнауки в массах. При этом изменилось и ее аксиологическое и семантическое содержание. Адаптируясь к обществу потребления и «постматериализма», претерпевая трансформации ценностной сферы в «обществе знаний» [13. С. 81], контрнаука обрела новые смыслы. М.В. Маслова замечает: современная эпоха характеризуется тем, что культ потребления становится «средни

религиозному культу» [14. С. 177], причем продаются и покупаются не только товары и услуги, но и информация.

Более того, контрнаучные манипуляции с массовым сознанием не ограничиваются подрывом духовного здоровья населения вследствие создания иррациональной картины мира и выстраивания системы псевдоценностей; речь идет и о физическом здоровье людей. Многие годы в России в качестве лекарственных препаратов регистрируются антинаучные по своей сущности гомеопатические, «релиз-активные» средства, которые насаждаются в системе отечественного здравоохранения [15. С. 440], а главой крупнейшей фирмы по их изготовлению является член-корреспондент Российской академии наук О.И. Эпштейн, сохраняющий это звание, несмотря на многочисленные протесты ученых, множественные публикации, развенчивающие его «лекарства» как пустышки и выпущенный Комиссией по борьбе с лженаукой меморандум «О лженаучности гомеопатии».

Все это приводит к тому, что контрнаука продолжает находиться в благоприятных для себя условиях, претерпевая ценностно-смысловые трансформации в ответ на технологическое развитие, социальный запрос и будучи поддерживаема государством, что свидетельствует о ситуации всеобъемлющего «ценностного кризиса культуры» [16. С. 118]. Этому способствует также огромное количество неконтролируемых информационных каналов, существующих главным образом в Интернет-пространстве. Как справедливо замечает В.Г. Торосян, «в свое время говорили – “бумага все стерпит”. Тем более все стерпит Интернет» [17. С. 75].

В свете приведенной выше информации релевантным представляется употребление для характеристики современного общества предложенного французским философом Ги Дебором определения «общество спектакля»; причем, как отмечает ряд отечественных ученых, «все сферы общественной жизни включаются в структуру спектакля: СМИ, экономика, политика и культура» [18. С. 61]. Одним из проявлений этого спектакля мы считаем и феномен контрнауки, его высокую популярность и адаптируемость. Культурологически контрнаучные заблуждения, псевдотеории, существующие в современной медиакультуре, можно рассматривать как медиамифологемы – результат современного мифотворчества. Граница между фантастикой, фэнтези, фарсом, другими формами и жанрами культуры, с одной стороны, и псевдотеориями и контркультурными практиками, с другой стороны, пролегает там, где ведется «битва за восприятие» (по терминологии Б. Массуми), и от ее исхода зависит отнесение рассматриваемых текстов (медиапродуктов) к той или иной категории.

Вследствие нахождения индивида в постоянном информационном потоке возникает ощущение «всезнания», приводящее к нивелированию в общественном сознании роли образования и науки, в результате чего происходит подрыв логического мышления и рационализма, повышается восприимчивость к мифологизированным в медиакультуре образам и нарративам контрнаучного содержания. Впрочем, на наш взгляд, виной тому не медиатизация как таковая, а те социально-политические агенты, которые используют ее в первую очередь в своих интересах, а не в интересах общества.

Подытоживая наши рассуждения, отметим, что контрнаука фактически распространилась на все сферы жизни общества и, претерпевая определенные ценностно-смысловые трансформации, прекрасно адаптируется к изменяющимся условиям. Живучесть феномена контрнауки в ментальном пространстве современного общества объясняется не только благоприятной социально-информационной средой, но и особенностями человеческой психологии, склонностью к иррациональной интерпретации действительности. Тем не менее, определяющее значение в массовом распространении контрнаучных заблуждений, на наш взгляд, имеет именно социокультурная среда, в связи с чем актуализируется ранее озвученный нами тезис о том, что «сегодня остро востребовано оздоровление общественного сознания» [19. С. 122]. Причем оздоровление это должно

происходить на трех уровнях: на уровне административном путем государственного контролирования информационных потоков; на уровне гражданском путем осуществления общественного контроля в этой сфере и на уровне воспитательно-образовательном путем формирования личности, способной к самостоятельному критическому мышлению.

Таким образом, проанализировав динамику и особенности ценностно-смысловых трансформаций феномена контрнауки в современной медиакulturе, мы приходим к выводу, что данный феномен высоко адаптивен и вряд ли может быть искоренен полностью, однако, ввиду его опасности для интеллектуального, духовно-нравственного и, наконец, физического здоровья человека и общества, необходимо предпринять меры по купированию его трансляции и репликации в медиакультурном пространстве и, как следствие, нивелированию его влияния на общественное сознание.

Литература

1. Кириллова Н.Б. Медиакulturа: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2006. 448 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
3. Желтухина М.Р. Современный медиадискурс и медиакulturа воздействия // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 154–159.
4. Ардашев Р.Г. Суеверия в правоприменительной деятельности как показатель иррациональности общественного сознания // Закон и право. 2020. № 11. С. 173–175.
5. Крылова М.Н. Мифы об инопланетянах в современном информационном пространстве: симулякры и фейки. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-mify-ob-inoplanetyanah-v-sovremennom-informacionnom-prostranstve-simulyakry-i> (дата обращения: 22.06.2023).
6. Желтухина М.Р. О клиповости массовой медиакulturы // Наука телевидения. 2010. №7. С. 283–292.
7. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития // Социодинамика. 2023. № 2. С. 10–19.
8. Корнилова Е.Н., Гусейнова И.А. Мифологические модели в медиадискурсе пандемии коронавируса в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2(844). С. 250–267.
9. Андреев А.А. Фольклор и паранаука в русской культуре // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 68–74.
10. Андреев А.А. Паранаука как новый стиль в русской научно-художественной литературе // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 75–80.
11. Гарифзянов Р.И. Откровения Ангелов-Хранителей: Начало. Изд. доп. и перераб. М.: АСТ, 2017. 318 с.
12. Пахалюк Е.М. Криптозоология: наука или абсурд // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 14–21.
13. Воскресенский А.А., Султанов К.В., Сунягина А.Г. Эпистемология постматериализма в свете экономики знаний: ценности и мировоззрение // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2022. № 1(62). С. 81–85.
14. Маслова М.В. Трансформация ценностно-смысловых приоритетов в пространстве медиареальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3(41). С. 177–182.
15. Хромов-Борисов Н.Н., Александров Е.Б. Релиз-активность, супермолекулярные матрицы, пространственный гомеостаз – новые фантомы и иллюзии в биомедицине // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 5. С. 440–448.

16. Балакирева С.Ю. Цивилизационный фактор ценностного кризиса современной культуры (по результатам Всемирного обзора ценностей) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3(107). С. 116–122.

17. Торосян В.Г. Основы государственной культурной политики Российской Федерации. Краснодар: КГИК, 2018. 106 с.

18. Голобородько А.Ю., Стеценко В.В., Камышанская С.С. Культурный иммунитет как основа формирования новой реальности в треугольнике «государство-общество-человек»: от отключения культуры отмены до ренессанса сущности антропоцентризма // Власть. 2022. № 30(3). С. 58–64.

19. Денисов Н.Г. Политика культуры – культура политики – культурная политика: монография. Краснодар: КГИК, 2020. 269 с.

Value-Semantic Transformations of the Phenomenon of Counter-Science in Modern Media Culture

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2023, 3 (90), 25–35. DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-25-35

Nikolay G. Denisov, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: ngdenisov@gmail.com

Alexandr A. Brazhnikov, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: alexandro_brazha@mail.ru

Valeriya V. Val'kova, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: missis.valerik@mail.ru

Keywords: media culture, media space, media, information society, value-semantic transformations, counter-science, delusion.

This article analyzes the dynamics and reveals the features of the transformation of the phenomenon of counterscience in the media-cultural space of modern society. The purpose of this work is to show what value-semantic transformations the phenomenon of counterscience undergoes in modern media culture and to identify the problem of the destructive impact of counterscience in modern society. The scientific novelty of the research consists in updating the problem under consideration, enriching the existing scientific base with new examples on this issue and the author's conclusions on the research topic. A discourse analysis of the existing scientific literature on the subject and a narrative analysis of some counter-scientific media products have been carried out. A research idea is formulated about media culture as a special cultural form characteristic of modern society, and about the transformations that it has undergone and continues to undergo in connection with changing technological conditions and value orientations of society. The conclusion is made about the high adaptability of the phenomenon of counterscience to changing socio-political and technological conditions, about the danger of its spread in the mass media and the need to take action to stop its further expansion in media culture. As a result of the study, regularities and features of value-semantic transformations of the phenomenon of counterscience were revealed. The ways of solving the problem of the spread of counter-scientific delusions in modern media culture are outlined.

References

1. Kirillova, N.B. (2006) *Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu* [Media Culture: from Modern to Postmodern]. Moscow: Akademicheskii Proekt.

2. Viner, N. (2019) *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow: AST.

3. Zheltukhina, M.R. (2016) *Sovremennyy mediadiskurs i mediakul'tura vozdeystviya* [Modern media discourse and media culture of impact]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*. 4. pp. 154–159.

4. Ardashev, R.G. (2020) *Sueveriya v pravoprimeritel'noy deyatelnosti kak pokazatel' irratsional'nosti obshchestvennogo soznaniya* [Superstitions in law enforcement as an indicator of the irrationality of public consciousness]. *Zakon i pravo – Law and right*. 11. pp. 173–175. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10553.
5. Krylova, M.N. (2021) *Mify ob inoplanetyanakh v sovremennom informatsionnom prostranstve: simulyakry i feyki* [Myths about aliens in the modern information space: simulacra and fakes]. [Online] Available from: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-mify-ob-inoplanetyanakh-v-sovremennom-informacionnom-prostranstve-simulyakry-i> (Accessed: 22.06.2023).
6. Zheltukhina, M.R. (2010) O klipovosti massovoy mediakul'tury [About the clip art of mass media culture]. *Nauka televideniya – The Science of Television*. 7. pp. 283–292.
7. Popov, E. (2023) Dukhovnaya bezopasnost' v usloviyakh sovremennogo kul'turno-tsivilizatsionnogo razvitiya [Spiritual security in the conditions of modern cultural and civilizational development]. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 2. pp. 10–19. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39738
8. Kornilova, E.N. Guseynova, I.A. (2021) Mifologicheskie modeli v mediadiskurse pandemii koronavirusa v Rossii [Mythological models in the media discourse of the coronavirus pandemic in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2 (844). pp. 250–267.
9. Andreev, A.A. (2020) Fol'klor i paranauka v russkoy kul'ture [Folklore and Paranoscience in Russian culture]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 56. pp. 68–74. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-56-68-74.
10. Andreev, A.A. (2019) Paranauka kak novyy stil' v russkoy nauchno-khudozhestvennoy literature [Paranauka as a New Style in Russian Science Fiction]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 51. pp. 75–80.
11. Garifzyanov, R.I. (2017) *Otkroveniya Angelov-Khraniteley: Nachalo* [Revelations of Guardian Angels: The Beginning]. Moscow: AST.
12. Pakhalyuk, E.M. (2022) Kriptozoologiya: nauka ili absurd [Cryptozoology: Science or Absurdity]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii – Issues of Russian justice*. 19. pp. 14–21.
13. Voskresenskiy, A.A., Sultanov, K.V. Sunyagina, A.G. (2022) Epistemologiya postmaterializma v svete ekonomiki znaniy: tsennosti i mirovozzrenie [Epistemology of Post-Materialism in the Light of the Knowledge Economy: Values and Worldview]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) – Society. Wednesday. Development (Terra Humana)*. 1(62). pp. 81–85.
14. Maslova, M.V. (2011) Transformatsiya tsennostno-smyslovykh prioritetov v prostranstve mediareal'nosti [Transformation of value-semantic priorities in the media reality space]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*.
15. Khromov-Borisov, N.N. Aleksandrov, E.B. (2022) Reliz-aktivnost', supermolekulyarnye matritsy, prostranstvennyy gomeostaz – novye fantomy i illyuzii v biomeditsine [Release activity, supermolecular matrices, spatial homeostasis – new phantoms and illusions in biomedicine]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk – Herald of the Russian Academy of Sciences*. 92 (5). pp. 440–448.
16. Balakireva, S.Yu. (2023) Tsivilizatsionnyy faktor tsennostnogo krizisa sovremennoy kul'tury (po rezul'tatam Vsemirnogo obzora tsennostey) [The civilizational factor of the Value crisis of modern culture (according to the results of the World Values Survey)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: philosophy, history, culture*. 3(107). pp. 116–122. DOI: 10.24158/fik.2023.3.18.
17. Torosyan, V.G. (2018) *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossiyskoy Federatsii* [Fundamentals of the State Cultural Policy of the Russian Federation]. Krasnodar: KGIK.

18. Goloborod'ko, A. Yu. Stetsenko, V.V., Kamyshanskaya, S.S. (2022) Kul'turnyy immunitet kak osnova formirovaniya novoy real'nosti v treugol'nike «gosudarstvo-obshchestvo-chelovek»: ot otklyucheniya kul'tury otmeny do renessansa sushchnosti antropotsentrizma [Cultural immunity as the basis for the formation of a new reality in the triangle “state-society-man”: from the disconnection of the culture of cancellation to the renaissance of the essence of anthropocentrism]. *Vlast' – Power*. 30(3). pp. 58–64.

19. Denisov, N. G. (2020) *Politika kul'tury – kul'tura politiki – kul'turnaya politika* [Politics of culture – culture of politics – cultural policy]. Krasnodar: KGIK.

УДК 73.03

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-35-48

Д.Н. Андреев

ПАМЯТНИК ПИОНЕРАМ-ГЕРОЯМ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ В ЛЕНИНГРАДЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕМУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЭПОХУ «ОТТЕПЕЛИ»

Подробный разбор памятника пионерам-героям, установленного в Таврическом саду в Ленинграде в 1962 году, и других проектов, конкурировавших с этой работой, дает возможность увидеть, какие изменения произошли в советском монументальном искусстве в связи с послаблениями в культурной политике во второй половине 1950-х гг., как изменилось отношение к теме Великой Отечественной войны. Провозглашенный на Всесоюзном съезде советских художников в 1957 году более широкий взгляд на то, что такое социалистический реализм, принес свои плоды уже на первом туре конкурса на памятник пионерам-героям, прошедшего в том же году.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, монументы, мемориалы, ленинградская школа скульптуры, сталинский классицизм, памятник пионерам-героям.

Памятник пионерам-героям, созданный авторским коллективом, который собрал вокруг себя В.С. Новиков, установлен в Таврическом саду в 1962 году (рис. 1). Помимо самого В.С. Новикова, в авторский коллектив вошли его товарищи с учебных лет: скульптор И.Н. Костюхин и архитектор А.И. Алымов, а также архитектор Ф.А. Гепнер, который подключился к работе на завершающем этапе и в конкурсе на памятник не участвовал. Реализованный памятник, как и проекты, конкурировавшие с ним на этапе конкурса, дают возможность проследить эволюцию в советском монументальном искусстве в связи с послаблениями в культурной политике во второй половине 1950-х гг.

В заключительной части своей книги о скульптуре сталинской эпохи Л.Н. Дорони-на пишет: «С приходом новой плеяды талантливой молодежи из монументов постепенно исчезает характерная для послевоенного времени холодная представительность и торжественность» [1. С. 91]. Провозглашенный на Всесоюзном съезде советских художников в 1957 году более широкий взгляд на то, что такое социалистический реализм, принес свои плоды уже в первом туре конкурса на памятник пионерам-героям, прошедшего в том же году. Молодые скульпторы, еще «вчера» работавшие в рамках «сталинского ампира», выполняя социальный заказ, подхватили идею свободы творчества (имеется в виду, скорее, расширение рамок допустимого), начали предлагать новые для того времени решения. Члены жюри конкурса – опытные, маститые скульпторы и архитекторы во главе с В.В. Исаевой – присудили одному из таких решений первое